

— Прощу вашу светлость оказать честь и осушить эту чашу, поданную рабой!

Казалось, глаза Се Юня за маской с интересом уставились на неё, а через мгновение уголки его прекрасных губ слегка приподнялись в улыбке.

Он протянул руку, чтобы принять чашу из нефрита — рука была длинной, худой и белой, костяшки слегка выделялись из-за тренировок в боевых искусствах, но это не мешало её изящной и красивой форме; при этом движения были очень учтивыми, когда он брал винный бокал из её нежных, словно зелёный лук, ладоней, действия были медленными и расслабленными, кончики пальцев не касались её кожи ни на йоту.

Эти молодые изящные руки никак не ассоциировались с фразой «трезвым сжимать меч убийцы, пьяным возлежать на коленях красавицы».

— Дочь красного цвета, — внимательно разглядывая прозрачную жидкость в драгоценной нефритовой чаше, Се Юнь не проявлял ни малейшего желания выпить.

Казалось, он совершенно не заметил, как у Юй Чжуннина, Люйяо и других внизу зала слегка изменились лица, и вдруг повернулся, чтобы приказать подчинённому позади:

— Принеси серебряную иглу.

Выражение лица Люйяо резко изменилось.

Она мельком взглянула на Юй Чжуннина и увидела, как тот почти незаметно кивнул.

Положение безвыходное, иного выхода нет, пришло время обнажить кинжал.

Сжав сердце, Люйяо выхватила из-за пазухи короткий кинжал и громко крикнула:

— Отдавай свою жизнь!

Все перемены произошли в мгновение ока, ещё не успев договорить, лезвие уже метнулось прямо в грудь, остриё сверкало ядовитым синим отравленным светом!

В тот момент никто не успел среагировать, даже подчинённые позади Се Юня не успели ничего предпринять. В решающий момент, когда остриё уже коснулось одежды, и нужно было продвинуться лишь на полвершка, чтобы легко проникнуть в тело — вдруг всё застыло.

Три пальца Се Юня сжали яшмово-белое запястье Люйяо, казалось, так расслабленно, даже без малейшего усилия.

Затем Люйяо почувствовала, как внутренняя сила противника, подобно горному потоку, обрушилась на неё, в голове у неё взорвалось, изо рта хлынула кровь, и её отбросило в воздухе на несколько чжан!

Грохот!

Люйяо с грохотом упала, снося несколько маленьких столиков, чашки, тарелки, палочки для еды тут же разлетелись по полу!

— Что случилось? Что случилось?

— Убийца!

— А-а-а, люди, люди!

Гости за пиршественными столами в панике вскочили, Юй Чжуннин, стиснув зубы, немедленно указал на Люйяо и закричал:

— Эта женщина посмела напасть! Люди! Хватайте её!

Заранее подготовленные слуги тут же хлынули из задних покоев, каждый с деревянными палками в руках, и все разом бросились на Люйяо. Очевидно, они намеревались убить её, чтобы замести следы, но в суматохе никто не мог это заметить или остановить; как раз когда слуга впереди высоко занёс палку, чтобы ударить, Се Юнь на почётном месте сбоку просто плеснул отравленным вином из нефритовой чаши — движение тоже было неторопливым, затем сбросил с себя белый шёлковый плащ и бросил его.

Плащ со свистом пролетел над головами, сила ци была чрезвычайно мощной и властной, все, кого он задевал, отшатывались назад, передние слуги даже выронили палки на землю.

Затем плащ опустился прямо на голову оказавшейся в затруднительном положении Люйяо, как раз прикрыв её полуобнажённое тело, обнажившееся при падении.

В зале мгновенно воцарилась тишина, только послышался звук обнажаемого меча подчинённого Се Юня и гневный окрик:

— Люди!

Вокруг павильона на воде раздался топот ног, затем с четырёх сторон распахнулись двери и окна, десяток стражников с грозными мечами и копьями мгновенно окружили пиршественный зал, не оставив ни малейшей лазейки.

Все на пиру побледнели от страха, некоторые трусливые даже опустились на колени. Юй Чжуннин к этому времени уже понял, что дело плохо, но он, как стержневая фигура партии наследного принца, всё же смог кое-как сохранить самообладание:

— Спокойствие! Сохраняйте спокойствие! Командир Се невредим? Быстро проводите почётного гостя отдохнуть, эту женщину схватите...

Но Се Юнь с улыбкой перебил его:

— Не торопитесь, господин Юй.

Он поднялся из-за стола, обошёл пиршественные столы и под всеобщим вниманием спустился по нефритовым ступеням, остановившись перед Люйяо.

Атмосфера в зале натянулась, только слышались сбивчивые тяжёлые вздохи, когда Се Юнь свысока спросил:

— Зачем ты хотела убить меня?

Люйяо, прерывисто кашляя, выплюнула кровь и с ненавистью сказала:

— Разве для убийства тебя нужны причины? Я больше всего ненавижу таких бесчестных негодяев, как ты, которые притесняют слабых...

— Врёшь, — спокойно сказал Се Юнь.

Презрение в его тоне было словно стальная игла, вонзившаяся в её сердце.

— Ты... — Люйяо судорожно сжала пальцы, с ненавистью вцепившись в землю, и наконец не выдержала, разразившись руганью:

— Ты, коварный сановник, ещё спрашиваешь, почему?! Императрица У узурпировала власть, курица возвещает рассвет, именно такие коварные сановники, как ты, помогают тирану творить зло, сколько преданных и добродетельных людей пострадало при дворе и в народе! Моя семья изначально была полна преданных и доблестных...

Этого было почти достаточно для ясности.

Се Юнь шагнул наружу, не оборачиваясь:

— Уведите её для допроса о сообщниках, осторожно, не дайте ей покончить с собой. Оцеплите резиденцию Юя, никому не разрешайте входить или выходить, завтра я доложу императрице, а затем проведём обыск.

Стражи позади хором крикнули:

— Есть!

Юй Чжуннин наконец больше не мог держаться, дрожа, рухнул на землю, словно мгновенно постарев на десять лет, не в силах вымолвить ни слова.

*

Се Юнь большими шагами вышел из резиденции, за воротами ярко горели огни, весь особняк уже был плотно окружён железной стражей внутреннего двора. Несколько близких стражников ждали у повозки, увидев его, один немедленно протянул шкатулку, что была в руках:

— Командир, дело сделано.

Та шкатулка была размером с ладонь, вышитая золотом и серебром, очень изящная, в углу было выжжено маленькое иероглифическое знамя «Лю» — метка, которую знатные семьи ставили на ценной домашней утвари. Се Юнь открыл, мельком взглянул и увидел внутри необычный цветок чистого белого цвета, только открыв крышку, почувствовал проникающий в сердце и душу странный аромат.

Стражник тихо сказал:

— Именно этот цветок славится тем, что может излечить сотни ядов, обладает чудесным эффектом сохранения жизни и восстановления. Семья Лю спрятала его в потайной комнате, я с несколькими братьями проникли...

Се Юнь поднял руку, велел ему замолчать, затем убрал шкатулку и, не проронив ни слова, поднялся в повозку.

Было уже за третью стражу, город Чанъань уже давно соблюдал комендантский час, даже во внутренних кварталах не было людей. Все дома закрыли двери и окна, везде царил тишина, только серп луны отражался на каменных плитах улицы, испуская бледный холодный свет.

Стук копыт раздавался по улице, Се Юнь в повозке закрыл глаза, то ли притворяясь спящим,

то ли в одиночестве о чём-то размышляя. Через некоторое время повозка свернула за угол, вдруг он открыл глаза и спросил:

— Где мы?

Стражник Ма Синь за повозкой ответил:

— Доложить командиру, мы уже прошли Чжунчжэнцзе, впереди Храм Цыэнь.

Храм Цыэнь.

Се Юнь приподнял занавеску повозки, по привычке мельком взглянув наружу.

Вдруг его движение замерло.

Высокие ворота храма Цыэнь величественно возвышались впереди, в ночи резные балки, расписные перекладины, красные лаковые колонны, семь ступеней вели к широкой улице. У подножия ступеней изначальное сидел монах в чёрных одеждах, вероятно, увидев приближающуюся повозку, он поднялся и стал отступать обратно в ворота храма.

В тот миг их взгляды пересеклись.

На мужественном лице Дань Чао промелькнуло лёгкое изумление — а Се Юнь опустил взгляд, и пальцы, приподнимавшие занавеску, опустились.

Повозка продолжила скрипеть вперёд, но на этот раз, не пройдя и нескольких шагов, внезапно остановилась. Послышалась суeta шагов перед повозкой, казалось, возникли лёгкие споры и шум, через мгновение раздался гневный окрик возницы:

— Кто такой! В третью стражу ночи почему преграждаешь путь, быстро уступи дорогу?!

Ржание лошадей нарушило ночную тишину, снаружи несколько раз поспорили, затем быстрые шаги стражи приблизились к окну повозки. Ма Синь остановился у повозки и тихо спросил за занавеской:

— Командир, впереди монах внезапно подошёл с мечом за спиной и преградил путь лошадям, что делать?

Он не услышал, как Се Юнь слегка выдохнул.

Тот звук был почти неслышным, едва покинув губы, рассеялся в тишине длинной улицы Чанъаня глубокой ночью.

Шум снаружи постепенно стих, но не потому, что ситуация разрешилась, а потому, что стороны вступили в ещё более напряжённое и странное противостояние, даже внутри повозки можно было почувствовать натянутую атмосферу — Се Юнь смотрел на тусклый свет прыгающего пламени свечи, вдруг услышал перед повозкой ясный, мужественный и спокойный мужской голос:

— Малый монах носит религиозное имя Синь Чао, глубокой ночью случайно встретил вашу светлость, в смятении показалось знакомым, словно старый друг.

— Встреча — это судьба, не соизволит ли ваша светлость сойти с повозки для беседы?

Эти слова были действительно, действительно слишком смелыми. Несколько стражников внутреннего двора тут же наполнились гневом, Ма Синь уже собирался выгнать этого незнающего смерти служителя культа, как вдруг из повозки донёлся неторопливый голос Се Юня:

— Синь Чао...

Как только прозвучали эти два слова, лица окружающих стражников стали серьёзными, даже Дань Чао, стоявший невдалеке посреди большой дороги, внутренне напрягся.

— По законам нашей династии, скрывающийся в пути, всякий монах, даос, встречающий чиновника пятого ранга и выше, обязан избегать, иначе тяжкое преступление.

Се Юнь смотрел на закрытую дверь повозки впереди, в интонации, казалось, сквозила очень ровная, даже мягкая улыбка:

— Монах, знаешь ли ты, кто я, что осмелился сказать, что у нас с тобой судьба?

«Курица возвещает рассвет» — идиома, означающая, что женщина узурпировала власть, которая должна принадлежать мужчине (буквально: курица заменяет петуха в объявлении рассвета). Исторически использовалась как критика правления императриц.

* Третья стража — время с 23:00 до 01:00, середина ночи.

<http://bllate.org/book/15578/1387008>